

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-74-85
EDN: OQXYTU

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОЛОВОЗРАСТНОГО СОСТАВА ВОЗВРАТНЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ

Соколова А. А.

Вологодский научный центр РАН
(160014, Россия, Вологда, ул. Горького, 56А)

E-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РНФ № 23–28–01395. – URL : <https://rscf.ru/project/23-28-01395/>.

Для цитирования:

Соколова А. А. Региональная дифференциация половозрастного состава возвратных трудовых мигрантов в России // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 3. – С. 74-85. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-74-85; EDN: OQXYTU

Аннотация В статье рассматриваются половозрастные характеристики возвратных трудовых мигрантов в России на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 года. Анализ показал, что мужчины составляют 61,7% от общей численности возвратных трудовых мигрантов, при этом наиболее высокая доля мужского участия отмечается в регионах с развитой добывающей и обрабатывающей промышленностью. Различия в распределении удельного веса мужчин и женщин по возрастным группам относительно невелики и для обоих полов характерно участие в возвратной трудовой миграции преимущественно в трудоспособных молодых возрастах (от 30 до 39 лет), что свидетельствует о том, что данный вид миграции привлекает работников, у которых уже получено профессиональное образование и есть необходимый трудовой опыт. Молодые работники чаще согласны преодолевать большие расстояния ради карьерного роста, что характерно для начальных этапов их профессиональной деятельности. С увеличением возраста, вступлением в брак и расширением семьи наблюдается тенденция к сокращению дистанций поездок: пожилые работники предпочитают перемещения на более короткие расстояния, однако, расстояния поездок могут кратковременно увеличиваться перед выходом на пенсию. Материалы исследования представляются полезными в части понимания динамики пространственных перемещений рабочей силы в условиях демографических и экономических изменений в России. Полученные данные выступают в качестве важного этапа систематизации эмпирических данных в отношении возвратной трудовой миграции и в формировании аналитической базы для дальнейших исследований.

Ключевые слова возвратная трудовая миграция, вахта, половозрастные характеристики возвратных трудовых мигрантов, региональная дифференциация.

Изменения численности и структуры трудоспособного населения отчасти формируют кадровый дефицит в ряде регионов страны, побуждая работодателей расширять географию поиска сотрудников. На фоне старения населения наблюдается снижение притока молодёжи на рынок труда, что вынуждает работодателей нанимать работников из старших возрастных групп. Одновременно трансформируются объемы и структура иностранной трудовой миграции, которая претерпевает изменения под влиянием внешних и внутренних факторов (санкционное давление, депортации¹, ужесточение миграционного законодательства² и др.). В этой ситуации возвратная трудовая миграция³ становится важным механизмом перераспределения трудовых ресурсов между территориями, способствуя поддержанию занятости и сглаживанию региональных диспропорций на локальных рынках труда.

Одним из преимуществ возвратной трудовой миграции является устойчивость ее трендов на протяжении длительного времени, как в части ее видов [1], так и в целом. Вместе с тем оценка масштабов данного явления на общестрановом уровне затруднена, что во многом обуславливается спецификой источников, используемых для анализа. Основными источниками, позволяющими оценить масштабы явления, являются Выборочное обследование рабочей силы (далее — ОРС, позволяет проследить динамику с 2013 г.) и Всероссийская перепись населения 2020 г. (далее — ВПН-2020, срез данных по состоянию на 2021 г.). Важно отметить, что ОРС фиксирует лишь межре-

¹ Число депортированных из РФ мигрантов выросло на 50%, до 93 тыс. человек // Интерфакс. — URL : <https://www.interfax.ru/russia/979681> (дата обращения: 25.10.2024).

² В Думу внесли пять законопроектов о миграции. Планируется повысить штраф за фиктивную регистрацию до ₽60 млн, а также ужесточить приём экзаменов // РБК. — URL : <https://www.rbc.ru/politics/02/10/2024/66fbe0c29a79475eb6ea2935> (дата обращения: 25.10.2024).

³ Под возвратной трудовой миграцией в работе понимается возвратное, циклическое неоднократное перемещение на территорию другого населенного пункта с целью выполнения трудовых функций с пересечением границ населенного пункта проживания без смены постоянного места жительства с различной периодичностью [2]

гиональные перемещения, что существенно занижает масштабы возвратной трудовой миграции: на долю возвратной трудовой миграции приходится от 3,3% занятого населения в 2013 г. до 3,7% в 2023 г., где при этом преобладают вахтовые формы занятости. ВПН-2020, позволяет более полно учесть масштабы явления за счет включения помимо межрегиональных еще и внутрирегиональные перемещения. Так, по итогам переписи, в 2021 г. доля возвратных трудовых мигрантов составила 10,4% от общей численности занятого населения России, из которых 77,4% пришлось на майтниковых трудовых мигрантов. Сопоставление этих источников указывает не только на методологических различиях в подходах к измерению, но и подчеркивают необходимость создания более точного систематического учёта всех форм возвратной трудовой миграции на национальном уровне. [3].

При этом исследование возвратной трудовой миграции на уровне страны не раскрывает всей полноты территориальных различий, поскольку ситуация в регионах в отношении динамики и масштабов данного явления остается неоднородной. Так, в отдельных регионах (например, Московской области и Москве) более детальные исследования на основе данных операторов сотовой связи показали, что объём майтниковой миграции между агломерационным центром и областью сократился в 2010–2024 гг. на 0,3 млн человек. Одной из возможных причин сокращения является рост популярности удалённой работы, особенно после пандемии COVID-19, которая радикально изменила характер организации труда. Помимо этого, сокращение трудовой миграции из-за рубежа также могло оказать влияние на данные изменения⁴.

Спрос на вахтовую организацию труда растёт с каждым годом — за период с 2023 по 2024 гг. он увеличился на 64%⁵. При этом на некоторых специализированных плат-

⁴ Майтник миграции сократил ход // Коммерсантъ. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/6890908> (дата обращения: 24.10.2024).

⁵ В России спрос на вахтовиков за год вырос на 64% // ТАСС. — URL : <https://tass.ru/ekonomika/21775041> (дата обращения: 02.07.2025).

формах вахтовые вакансии составляют до 7% от общего количества вакансий, что свидетельствует о высокой востребованности данной формы занятости⁶. Строительная отрасль занимает лидирующие позиции: наиболее востребованными являются такие профессии, как каменщики, кровельщики и другие. Представленные профессии требуют высокой физической выносливости и специализированных навыков, что делает их преимущественно мужскими. В последние годы растёт спрос на вахтовых работников и в других сферах: складская логистика торговых сетей, гостиничный и туристический бизнес, швейная промышленность, предоставление услуг по уходу за детьми, больными, инвалидами, престарелыми. Данные области, напротив, традиционно привлекают больше женщин, что может в будущем привести к изменению соотношения участия мужчин и женщин в вахте. Помимо этого, вахтовый метод работы, который ранее преимущественно был характерен для удалённых северных регионов (таких как Крайний Север и Сибирь), в последние годы расширяет свою географию. Наблюдается рост числа вакансий для соискателей из Центральной России, Подмосковья и южных регионов страны⁷. Несмотря на растущую востребованность вахтовой работы, данный тип занятости зачастую связан с длительным пребыванием вдали от дома, часто в регионах с суровым климатом и ограниченной инфраструктурой, что может представлять серьёзный барьер для многих работников.

Другой вид возвратной трудовой миграции, такой как мятниковая трудовая миграция, также предполагает занятость вне места своего проживания, но без длительных и дальних поездок, характерных для вахтовой занятости. Мятниковая трудовая миграция позволяет сохранить социальные и семейные связи, избегая длительных

периодов разлуки с близкими. Кроме того, привычная обстановка дома оказывает позитивное влияние на психологическое состояние человека, что особенно важно для поддержания стабильного уровня производительности труда [4]. Однако мятниковая трудовая миграция также сопряжена с определёнными трудностями: значительные временные и финансовые затраты на частые поездки между домом и работой снижают её привлекательность.

Таким образом, в условиях происходящих процессов демографического старения, сокращения численности населения и выраженной территориальной неоднородности социально-экономического развития регионов, изучение половозрастных характеристик возвратных трудовых мигрантов приобретает особую значимость. В целом возвратная трудовая миграция рассматривается учёными редко, поскольку она остаётся «в тени» остальных видов миграции, несмотря на её значительный масштаб и устойчивый характер. В большинстве случаев анализ возвратной трудовой миграции ограничивается точечными исследованиями, проводимыми на уровне отдельных регионов и основанными на разнородных методологических подходах, что затрудняет сопоставление полученных данных и формирование целостного представления о структуре и особенностях данного явления. В этом контексте представленное исследование позволяет, с опорой на данные переписи населения, рассмотреть половозрастную структуру возвратной трудовой миграции сразу по всем субъектам РФ, что делает полученные результаты уникальными по охвату и аналитическому потенциалу. Распределение по полу и возрасту позволяет определить целевую аудиторию для последующего формирования управленческих мер в сфере труда, занятости и регионального развития.

Материалы и методы

В качестве информационной базы исследования были использованы данные Всероссийской переписи населения 2020 г., ос-

⁶ Огромные доходы или новое рабство? Вся правда о работе вахтой в России – сколько платят и почему не хватает людей // Курган Онлайн. – URL : <https://45.ru/text/job/2024/05/03/73531694/> (дата обращения: 24.10.2024).

⁷ Вахтовая работа в России: проблемы и тренды рынка труда // Трудовая оборона. – URL : <https://oborona.media/gupok-vahtovih-vakansii/> (дата обращения: 24.10.2024).

новной этап сбора информации которой пришёлся на 2021 г. (ВПН-2020). Оценить масштабы возвратных трудовых мигрантов позволили таблицы с данными по занятому населению частных домохозяйств, работающих за пределами своего населенного пункта, по территории работы и периодичности выезда на работу по субъектам РФ. Сведения о половозрастных характеристиках возвратных трудовых мигрантов не представлены в открытом доступе, поэтому они были получены путем составления запроса в Федеральную службу государственной статистики. Информационная база исследования имеет ряд ограничений. Так, во-первых, временной охват ограничен данными лишь за 2021 г., во-вторых, в предоставленных по запросу материалах информация о занятом населении, работающем вне места постоянного жительства, представлена без возможности дифференциации по видам возвратной трудовой миграции⁸.

Группировка регионов РФ происходила по удельному весу мужчин в структуре возвратных трудовых мигрантов. Они формировались на основе среднего арифметического и среднеквадратического отклонения ($\pm$ стандартного отклонения), что позволило выделить 3 группы: регионы с равным соотношением удельного веса мужчин и женщин (от 50 до 55,1% мужчин в структуре возвратных трудовых мигрантов), субъекты с умеренным преобладанием мужчин (от 55,2 до 69,4%) и с высокой долей мужчин в структуре возвратных трудовых мигрантов (от 69,5% и выше).

Для оценки степени различий в значениях доли возвратных трудовых мигрантов по возрастным группам между регионами РФ был рассчитан коэффициент вариации для каждой возрастной группы. Этот показатель позволил определить степень изменчивости значений доли возвратных трудовых мигрантов по возрастным группам относительно среднероссийского значения.

⁸ В данных ВПН-2020 в структуру занятого населения частных домохозяйств, работающих не по месту постоянного места жительства, включаются также же и индивиды, которые работают дистанционно, что также влияет на результаты исследования. Однако, общая доля подобных работников в структуре названного населения составляет 2,7% от всех возвратных трудовых мигрантов

Значения коэффициента до 33% были интерпретированы как низкая изменчивость, что свидетельствовало об относительно однородных показателях между регионами для соответствующей возрастной группы⁹. Применение данных материалов и методов, позволило выявить ключевые особенности половозрастной структуры возвратных трудовых мигрантов в России и их территориальные различия.

Половозрастные характеристики возвратных трудовых мигрантов: обзор исследований

Международные исследования подчёркивают, что пол и возраст оказывают значительное влияние на процесс участия в маятниковой трудовой миграции и вахте. В частности, выбор продолжительности и расстояния поездок на работу варьируется в зависимости от жизненного цикла индивида (вступление в брак, рождение детей или приближение к пенсионному возрасту) [5]. Женщины в среднем совершают более короткие поездки на работу, чем мужчины, и они (особенно те, у кого есть дети) имеют более сложные маршруты, которые связаны с необходимостью учитывать семейные обязанности. Эти особенности обусловливают их участие в менее отдалённых перемещениях по сравнению с мужчинами [6]. Наличие расширенного домохозяйства с пожилыми членами семьи может способствовать женской занятости, увеличивая их возможности для участия в маятниковой трудовой миграции. Мужчины, напротив, чаще участвуют в длительных и удалённых миграциях [7], что связано с традиционными гендерными ролями и спецификой некоторых отраслей, например, добывающей промышленности или строительства.

Возраст также играет важную роль: молодые работники в возрасте до 35 лет склон-

⁹ При значении коэффициента вариации меньше 33% исследуемая совокупность считается однородной, устойчивой, регулярной по данному признаку. Если вариация превышает 33%, то совокупность считается неоднородной, неустойчивой, в ней протекают какие-то процессы, присутствуют тенденции. Кириллов А. В. Статистика: учебник для студентов вузов. – Самара : Изд-во Самарского государственного аэрокосмического университета, 2014. – 384 с.

ны преодолевать большие расстояния ради карьерного роста [7] (особенно на ранних этапах своей профессиональной деятельности), в то время как пожилые работники постепенно сокращают дистанции поездок, переходя на более гибкие формы занятости [8]. Возвратные трудовые мигранты в среднем возрасте (пик приходится на 35 лет) совершают самые длинные поездки, после чего дистанция начинает сокращаться [5]. Исследования показывают, что максимальная длина поездок на работу наблюдается у лиц около 40 лет, но по мере приближения к пенсионному возрасту работники стремятся сократить время и дистанции поездок, что связано с изменениями жизненного цикла. Пожилые работники могут увеличить расстояния поездок незадолго до выхода на пенсию, что часто связано с необходимостью накопления средств перед окончанием трудовой деятельности [9]. Возрастные особенности проявляются и в вопросе выбора транспорта: пожилые люди предпочтуют личные автомобили из-за удобства и комфорта, несмотря на усилия по поощрению общественного транспорта со стороны муниципальных властей [10].

Изучение половозрастных характеристик возвратных трудовых мигрантов в России осложнено отсутствием систематически публикуемой открытой статистики по данной теме. Основным источником изучения половозрастного состава маятниковых и вахтовых трудовых мигрантов является ОРС[11] (табл. 2.73 «Распределение занятого населения в возрасте 15 лет и старше, работающего на территории другого субъекта Российской Федерации, по периодичности возвращения домой»), но, повторимся, оно располагает данными только о межрегиональных перемещениях и, в целом по России, без регионального деления. Также исследовать характеристики пола и возраста помогают социологические опросы, которые дополнительно могут затрагивать и другие аспекты, касающиеся возвратных трудовых мигрантов. Результаты социологических опросов нередко изображают маятникового и вахтового трудового мигранта как мужчину среднего возраста, преимуще-

ственno из сельской местности, состоящего в браке и имеющего детей [12; 13]. Однако, данное описание не универсально и существует региональная дифференциация в данном вопросе. Так, например, в ряде регионов маятниковая трудовая миграция в несколько большей степени представлена женским населением [14; 15], а в Свердловской, Тюменской и Курганской областях — мужчинами в возрасте до 30 лет [16].

Половозрастные характеристики возвратных трудовых мигрантов в России: результаты исследования

Согласно данным ВПН-2020, мужчины составляют 61,7% всех возвратных трудовых мигрантов, что свидетельствует о большей представленности мужского населения в рассматриваемой категории. При этом величина гендерного разрыва варьируется в зависимости от региона (рис. 1). Наибольшая доля мужского населения в структуре возвратной трудовой миграции отмечается в регионах с преобладающими добывающими отраслями (ЯНАО, ХМАО, Магаданская область), обрабатывающим производством (Тюменская область без автономных округов, Мурманская область, Красноярский край) и рыболовством (Камчатский край). В перечисленных отраслях формируются многочисленные вахтовые вакансии, традиционно занимаемые мужчинами. Помимо этого, в данных регионах наблюдается низкая плотность населения в сочетании с протяженной территорией и суровыми климатическими условиями. В таких условиях работа требует физической выносливости и длительного отсутствия дома. Это существенно ограничивает возможности женщин участвовать в вахтовой и маятниковой трудовой миграции в данных регионах, особенно учитывая совмещение ими профессиональных и домашних обязанностей.

Более равномерное распределение полов отмечается в южных и центральных частях России (например, Орловская, Брянская, Ивановская области, Чувашская Республика) и в отдельных областях Восточной Си-

бири (республики Алтай и Тыва). Указанные регионы отличаются более плотной системой расселения и развитой транспортной инфраструктурой, что значительно упрощает доступ к рынкам труда соседних территорий. Такая инфраструктурная доступ-

ность способствует развитию кратковременной маятниковой трудовой миграции, в которой женское население имеет больше возможностей для участия, благодаря более гибким условиям трудоустройства в ближайших регионах.

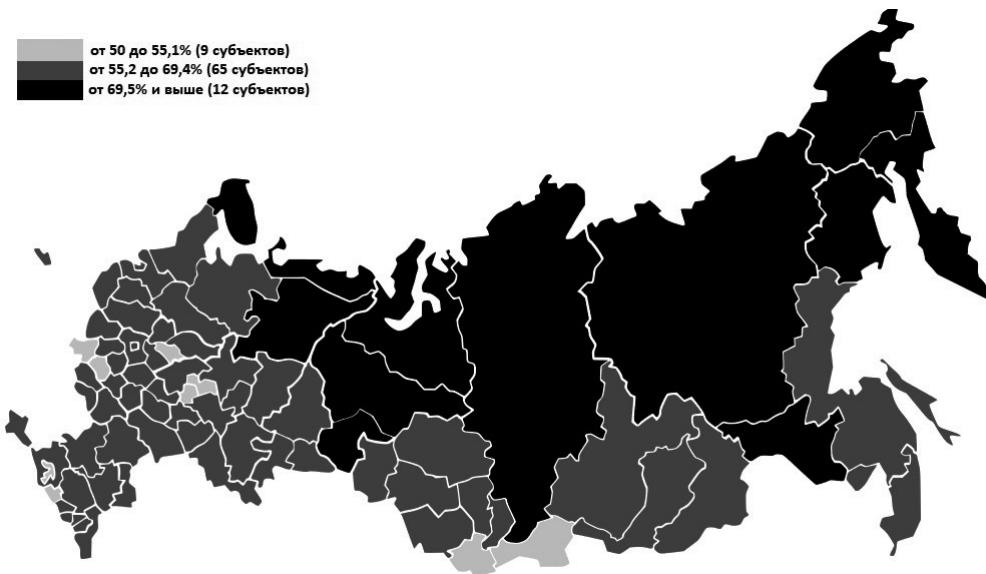

Рис. 1. Доля участия мужского населения в возвратной трудовой миграции, %, 2021 год

Fig.1. The share of male population participation in commuting and FIFO, %, 2021

Источник: данные ВПН-2020 из официального запроса.

Анализ структуры возрастных групп вахтовых и маятниковых трудовых мигрантов выявляет ряд закономерностей, характеризующих особенности участия населения в возвратной трудовой миграции (рис. 2). Меньшая доля возвратных трудовых мигрантов наблюдается среди возрастной группы 15–19 лет, поскольку в этом возрасте большинство индивидов вовлечено в получение среднего или высшего образования, и участникам может быть сложно сочетать учёбу с работой. К тому же указанные лица только начинают карьеру и часто не имеют необходимого опыта, квалификации и материальной базы для работы вахтой или для регулярных маятниковых трудовых перемещений. Доля возвратных трудовых мигрантов постепенно увеличивается с возрастом, пока

не достигает наибольших показателей в возрастных группах 30–34 года (15,8%) и 35–39 лет (16,1%). Это свидетельствует о том, что вахтовая и маятниковая трудовая миграция привлекают людей на пике их профессиональной активности, когда накоплены необходимые навыки и опыт. Начиная с возрастной группы 40–44 года (13,8%) удельный вес возвратных трудовых мигрантов начинает сокращение значений, достигая сильного снижения в возрастных группах 60–64 (3,4%), 65–69 (1,0%) и 70 лет и более (0,3%). Это указывает на возрастные ограничения для работы в таких формах занятости (особенно в сферах, требующих физического труда) и может быть связано с более ранним выходом на пенсию в районах Крайнего Севера и приравненных к ним территориях.

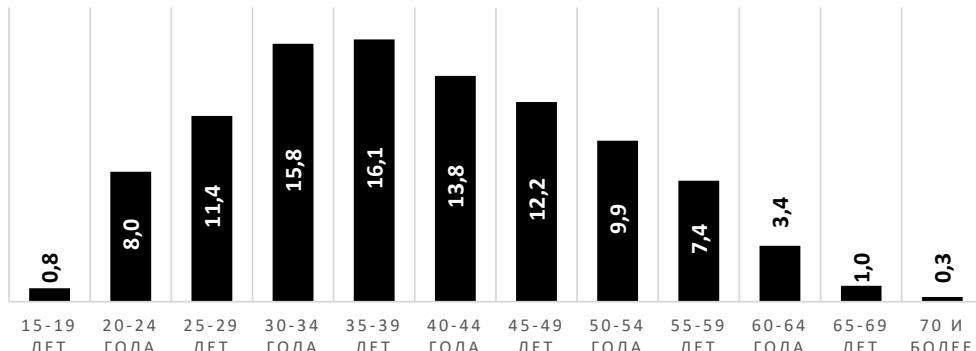

Рис. 2. Распределение возвратных трудовых мигрантов по возрастным группам, % от их числа, 2021 год

Fig. 2. Distribution of commuters and FIFO workers by age, % of commuters and FIFO-workers in the territory of work, 2021

Источник: данные ВПН-2020 из официального запроса.

В возрастной группе 15–19 лет наблюдается наиболее равномерное распределение значений доли мужчин и женщин (50,1% мужчин против 49,9% в структуре возвратных трудовых мигрантов) (рис. 3). Схожее распределение прослеживается и в самой старшей возрастной группе 70 лет и более:

52,0% мужчин против 48,0% женщин. Максимальный гендерный разрыв зафиксирован в 55–59 лет (64,7% мужчин против 35,3% женщин) и 60–64 года (66,0% мужчин против 34,0% женщин), а также в возрастной группе 30–34 года (64,4% мужчин против 35,6%).

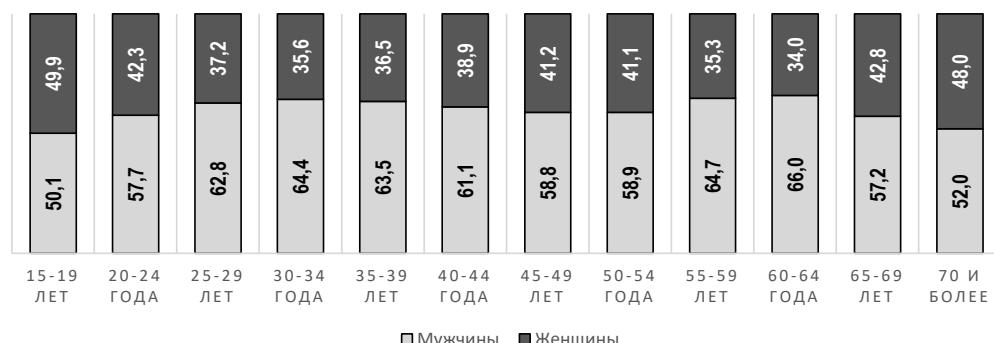

Рис. 3. Распределение возвратных трудовых мигрантов по полу и возрасту, % от количества возвратных трудовых мигрантов, 2021 год

Fig. 3. Distribution of commuters and FIFO workers by age and sex, % of commuters and FIFO-workers in the territory of work, 2021

Источник: данные ВПН-2020 из официального запроса.

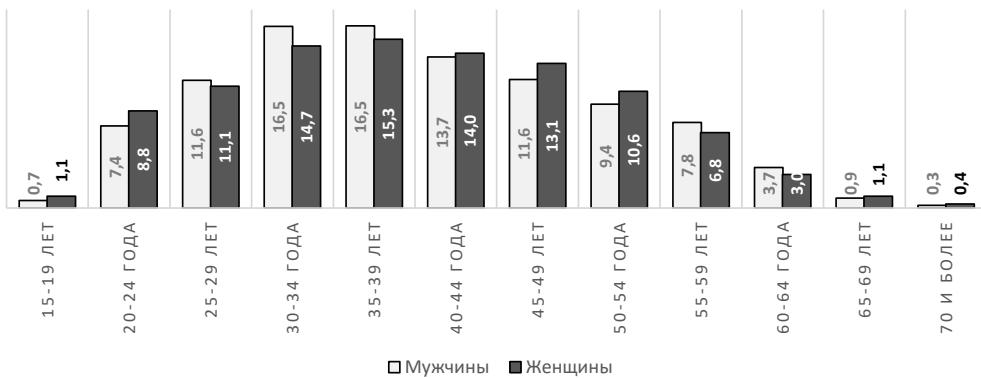
Оба пола имеют максимальные значения в молодом трудоспособном возрасте, а минимальные значения удельного веса приходятся на самые молодые и старшие возраста (рис. 4). Так, среди мужчин наиболь-

шая доля возвратных трудовых мигрантов приходится на возрастную категорию 30–34 года и 35–39 лет (по 16,5% от численности возвратных трудовых мигрантов), за которой следует возрастная группа 40–44 года

(13,7%). Распределение удельного веса женщин по возрастным группам более равномерно по сравнению с распределением значений удельного веса мужчин. Наиболее высокие показатели также приходятся на возрастные группы 30–34 года (14,7% женщин в структуре возвратных трудовых мигранток) и 35–39 лет (15,3%), с дальнейшим снижением доли по мере увеличения возраста.

Коэффициент вариации показал, что для всех субъектов РФ характерна низкая изменчивость доли возвратных трудовых мигрантов во всех возрастных категориях, что указывает на его относительно равномер-

ное распределение по регионам (табл. 1). Коэффициент вариации для обеих полов имеет наименьшие значения в возрастных группах 30–39 лет и 40–49 лет, что указывает на относительно стабильную численность данной категории возвратных трудовых мигрантов как на уровне всей страны, так и отдельных регионов. В противоположность этому, значительные различия в доле возвратных трудовых мигрантов наблюдаются в возрастной категории 70 лет и старше, что свидетельствует о неоднородности в численности изучаемой группы населения в региональном разрезе.

Рис. 4. Распределение возвратных трудовых мигрантов по полу и возрасту, % от количества возвратных трудовых мигрантов мужчин и женщин соответственно, 2021 год

Fig. 4. Distribution of commuters and FIFO-workers by age and sex, % of commuters and FIFO-workers, 2021

Источник: данные ВПН-2020 из официального запроса.

Таблица 1

Значения коэффициента вариации (CV) по возрастным группам для регионов РФ, %, 2021

Table 1

Variation coefficient (CV) values by age groups for regions of the Russian Federation, %, 2021

Группа	15-19 лет	20-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60-69 лет	70 и более
Мужчины и женщины	27,5	14,5	5,5	7,9	12,6	20,6	44,3
Мужчины	28,6	14,1	5,6	9,4	13,1	21,9	46,1
Женщины	26,7	16,5	6,8	7,2	14,1	26,5	52,1

Источник: рассчитано автором по данным ВПН-2020.

Заключение

Анализ показал, что мужчины составляют 61,7% от общего числа возвратных трудовых мигрантов. Наибольшее их преобла-

дание наблюдается в регионах с развитой добывающей и обрабатывающей промышленностью, где сосредоточена вахтовая занятость. В то же время, в ряде регионов с развитой инфраструктурой и относитель-

но компактной территорией наблюдается более равномерное распределение соотношения удельного веса мужчин и женщин. Как показывают тенденции последнего времени в отношении вахтовой занятости, растущий спрос на работников в сферах, традиционно ассоциируемых с женским трудом, может изменить гендерную пропорцию, стимулируя более активное участие женщин. Наибольший удельный вес возвратных трудовых мигрантов наблюдается в возрастных группах 30–39 лет, что характерно для обоих полов. Анализ распределения возвратных трудовых мигрантов по возрастным группам показывает низкую изменчивость удельного веса возвратных трудовых мигрантов по всем регионам. Однако удельный вес возвратных трудовых мигрантов в возрастной группе 70 лет и старше продемонстрировал значительную региональную вариативность, что говорит о значительном разбросе значений доли возвратных трудовых мигрантов по-жилого возраста в субъектах РФ.

В отечественных исследованиях изучение половозрастных характеристик по всем регионам РФ ограничено, что не позволяет исследовать характеристики возвратных трудовых мигрантов комплексно. Международные исследования рассматривают взаимосвязь между половозрастными особенностями мятниковых трудовых мигрантов и вахтовиков и такими параметрами, как время, затрачиваемое на дорогу до работы, расстояние, а также влияние жизненных циклов на выбор конкретного вида трудовой миграции. Изучение влияния семейного статуса, жизненного цикла, а также изменений в экономической и социальной политике на выбор формы возвратной трудовой миграции являются перспективным направлением, поскольку в дальнейшем это позволит более точно адаптировать меры регулирования к потребностям различных групп населения, обеспечивая как экономическую эффективность, так и социальную устойчивость.

Помимо этого, полученное распределение возвратных трудовых мигрантов по полу и возрасту может рассматриваться

и как индикатор состояния региональных рынков труда. Дисбалансы между мужским и женским участием в возвратной трудовой миграции, а также концентрация определённых возрастных групп, отражают структурные дефициты занятости, отраслевую специфику спроса на рабочую силу, а также особенности инфраструктурной доступности рабочих мест. В этом контексте демографический профиль возвратной трудовой миграции представляет собой важный маркер, отражающий территориальные дисбалансы трудовых ресурсов.

Выполненное исследование восполняет пробел в понимании демографической структуры возвратной трудовой миграции в региональном разрезе и может служить основой для повышения адресности и создания эффективной региональной политики в области труда и занятости. Тем не менее, для разработки комплексных мер регулирования одного лишь анализа половозрастной структуры недостаточно и для дальнейшего формирования управлеченских решений, необходима интеграция статистических данных по различным видам возвратной трудовой миграции с возможностью их детализации на уровне субъектов РФ. В этом контексте особую актуальность приобретает повышение открытости данных, в том числе на базе аналитики цифровых платформ и агрегаторов вакансий (таких как, например, HeadHunter и др.).

В рамках продолжения исследования возвратной трудовой миграции важным направлением видятся вопросы регулирования данного явления. Будучи устойчивым явлением, присущим на локальных рынках труда, она порождает как позитивные, так и негативные эффекты для регионов исхода и работы. В этой связи значимым становится не только описание масштабов и структуры возвратной трудовой миграции, но и создание основы для дальнейшей выработки решений, позволяющих усиливать положительное влияние возвратной трудовой миграции при одновременном смягчении ее негативных последствий, как для самих регионов, так и для работодателей и работников.

Литература и Интернет-источники

1. **Shitova, Yu. Y.** The impact of long-distance travel to work on the health of commuting labour migrants: a literature review / Yu. Y. Shitova // Population and Economics. — 2024. — Vol. 8. — No. 1. — P. 37–51. DOI: 10.3897 / popecon.8.e109997; EDN: ADAXBU
2. **Соколова, А. А.** К вопросу оценки привлекательности территорий для постоянной и временной трудовой миграции / А. А. Соколова // Вопросы территориального развития. — 2023. — Т. 11. — № 2. — DOI: 10.15838/tdi.2023.2.64.6; EDN: AGUSVX.
3. **Соколова, А. А.** Возвратная трудовая миграция: масштабы, последствия, подходы к регулированию: автореферат диссертации к.э.н. (специальность 52.2.3 «Региональная и отраслевая экономика»). — Москва : ИЭ РАН, 2025. — 32 с.
4. **Bubonya, M.** Mental health and productivity at work: Does what you do matter? / M. Bubonya, D. A. Cobb-Clark, M. Wooden // Labour Economics. — 2017. — Vol. 46. — P. 150–165. DOI: 10.1016/j.labeco.2017.05.001
5. **Fischer, P. A.** Settled People Don't Move: On Life Course and (Im-) Mobility in Sweden / P. A. Fischer, G. Malmberg // International journal of population geography. — 2001. — Vol. 7. — Iss. 5. — P. 357–371. DOI: 10.1002 / ijgp.230
6. **Kimbrough, G.** What Drives Gender Differences in Commuting? Evidence from the American Time Use Survey / G. Kimbrough. — Job Market Papers, 2016. — 32 p.
7. **Giménez-Nadal, J. I.** Trends in Commuting Time of European Workers: A Cross-Country Analysis / J. I. Giménez-Nadal, J. A. Molina, J. Velilla // Transport Policy. — 2022. — Vol. 116. — P. 327–342. DOI: 10.1016 / j.tranpol.2021.12.016
8. **Newbold, K. B.** Age and domestic migration effects on workers' commuting distance / K. B. Newbold // Transportation. — 2024. — Vol. 51. — P. 673–688. DOI: 10.1007 / s11116-022-10341-5
9. **Axisa, J. J.** Migration, urban growth and commuting distance in Toronto's commuter shed / J. J. Axisa, K. B. Newbold, D. M. Scott // Area. — 2012. — Vol. 44. — No. 3. — P. 344–355. DOI: 10.1111 / j.1475-4762.2012.01097.x
10. **Wong, Y. C.** The commuting patterns of older adults / Y. C. Wong, Y. E. Tan, G. Cheong // ROSA Research Brief Series. — 2022. — P. 1–18.
11. **Ахметова (Хилажева), Г. Ф.** Субъекты РФ в межрегиональной трудовой миграции: уровень участия, причины и факторы / Г. Ф. Ахметова (Хилажева) // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2022. — Т. 2. — № 2. — С. 76–89. DOI: 10.19181 / demis.2022.2.2.6; EDN: FQLCMS
12. **Туракаев, М. С.** Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана / М. С. Туракаев, Г. Р. Баймурзина // Проблемы развития территории. — 2022. — Т. 26. — № 6. — С. 115–133. DOI: 10.15838 / ptd.2022.6.122.7; EDN: OMTHEQ
13. **Короленко, А. В.** Современная территориальная и социально-демографическая специфика вахтовой трудовой миграции в России / А. В. Короленко, О. Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2024. — Т. 17. — № 3. — С. 206–225. DOI: 10.15838 / esc.2024.3.93.12; EDN: EIRVLU
14. **Антонова, А. В.** Образ жизни участников мятниковой миграции в Московской агломерации / А. В. Антонова // Миграция и социально-экономическое развитие. — 2018. — Т. 3. — , № 3. — С. 113–118. DOI: 10.18334 / migration.3.3.41042; EDN: BOJNAC
15. **Шевченко, И. А.** Изучение демографических аспектов мятниковой миграции населения Нижегородской области / И. А. Шевченко, Ю. В. Давыдова, О. В. Замашкина [и др.] // Успехи современного естествознания. — 2020. — № 1. — С. 70–75. DOI: 10.17513 / use.37323; EDN: WUPGFC
16. **Соколова, А. А.** Социально-демографический портрет мятникового трудового мигранта / А. А. Соколова // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2023. — № 64. — С. 61–82. DOI: 10.17223 / 19988648 / 64 / 5; EDN: JWNZVH

Сведения об авторе:

Соколова Анастасия Алексеевна, к.э.н., научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5454-8094; РИНЦ SPIN-код: 5845-3310.

REGIONAL DIFFERENTIATION IN THE SEX AND AGE STRUCTURE OF COMMUTERS AND FIFO WORKERS IN RUSSIA

Anastasia A. Sokolova

Vologda Research Center RAS
(56A Gorkogo str., Vologda, Russia, 160014)
E-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru

Funding:

The study was supported by grant from the Russian Science Foundation (project No. 23–28–01395). URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01395/>.

For citation:

Sokolova A. A. Regional differentiation in the sex and age structure of commuters and FIFO workers in Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 74–85. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-74-85 (in Russ.)

Abstract. The article examines the age and sex characteristics of commuters and FIFO (fly-in, fly-out) workers in Russia based on data from the All-Russian Population Census of 2020. The results show that men are more involved in commuting and FIFO, accounting for 61.7% of all commuters and FIFO-workers. The highest proportion of male is registered in regions with developed extractive and manufacturing industries. Differences in the distribution of male and female migrants by age groups are relatively small, with both sexes primarily participating in commuting and FIFO in the working-age groups from 30 to 39 years. This indicates that both commuting and FIFO attract workers who have already received professional education and possess the necessary work experience. Analysis of international studies shows that younger workers are more willing to travel significant distances for career opportunities, which is most typical for the early stages of their professional development. As age increases, along with marriage and family expansion, there is a tendency to shorten travel distances; older workers prefer to move shorter distances, although trip distances may temporarily increase just before retirement. The research results can be useful for understanding the dynamics of spatial movements of the labor force in the context of demographic and economic changes in Russia, and also allow us to identify areas for further analysis and formation of a differentiated regional policy in the field of labor and employment. The data obtained serve as an important stage in the systematization of empirical data on return labor migration and analytical base for further studies

Keywords: return labor migration, shift work, age and sex structure of commuters and FIFO workers, regional differentiation.

References and Internet sources

1. Shitova Yu. Y. The impact of long-distance travel to work on the health of commuting labour migrants: a literature review. *Population and Economics*. 2024. Vol. 8. No. 1. P. 37–51. DOI: 10.3897/popecon.8.e109997
2. Sokolova A. A. Kvoprosu otsenki privlekatel'nosti territoriy dlya postoyannoy i vremennoy trudovoy migratsii [Assessment of the attractiveness of territories for permanent and temporary labor migration]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya [Territorial Development Issues]*. 2023. Vol. 11. No. 2. DOI: 10.15838/tdi.2023.2.64.6 (in Russ.)
3. Sokolova A. A. Vozvratnaya trudovaya migratsiya: masshtaby, posledstviya, podkhody k regulirovaniyu [Return Labor Migration: Scales, Consequences, Approaches to Regulation]. Abstract of Doctoral diss. Moscow. IE RAN [IE RAS]. 2025. 32 p. (in Russ.)

4. Bubonya M., Cobb-Clark D. A., Wooden M. Mental health and productivity at work: Does what you do matter? *Labour Economics*. 2017. Vol. 46. P. 150–165. DOI: 10.1016/j.labeco.2017.05.001.
5. Fischer P. A., Malmberg G. Settled people don't move: On life course and (im-) mobility in Sweden. *International Journal of Population Geography*. 2001. Vol. 7. Iss. 5. P. 357–371. DOI: 10.1002/ijpg.230
6. Kimbrough G. *What Drives Gender Differences in Commuting? Evidence from the American Time Use Survey*. Job Market Papers. 2016. 32 p.
7. Giménez-Nadal J. I., Molina J. A., Velilla J. Trends in commuting time of European workers: A cross-country analysis. *Transport Policy*. 2022. Vol. 116. P. 327–342. DOI: 10.1016/j.tranpol.2021.12.016
8. Newbold K. B. Age and domestic migration effects on workers' commuting distance. *Transportation*. 2024. Vol. 51. P. 673–688. DOI: 10.1007/s11116-022-10341-5
9. Axisa J. J., Newbold K. B., Scott D. M. Migration, urban growth and commuting distance in Toronto's commuter shed. *Area*. 2012. Vol. 44. No. 3. P. 344–355. DOI: 10.1111/j.1475-4762.2012.01097.x.
10. Wong Y. C., Tan Y. E., Cheong G. The commuting patterns of older adults. *ROSA Research Brief Series*. 2022. P. 1–18.
11. Akhmetova (Khilazheva) G. F. Sub"yekty RF v mezhregional'noy trudovoy migrantsii: uroven' uchastiya, prichiny i faktory [Russian Regions in interregional labor migration: level of participation, causes and factors]. DEMIS. Demograficheskiye issledovaniya [DEMIS. Demographic Research]. 2022. Vol. 2. No. 2. P. 76–89. DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.6 (in Russ.)
12. Turakaev M. S., Baimurzina G. R. Rabota vakhtovym metodom glazami vremennykh trudovykh migrantov iz Bashkortostana [A fly-in fly-out work through the eyes of temporary labor migrants from Bashkortostan]. Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development]. 2022. Vol. 26. No. 6. P. 115–133. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.7 (in Russ.)
13. Korolenko A. V., Kalachikova O. N. Sovremennaya territorial'naya i sotsial'no-demograficheskaya spetsifika vakhtovoy trudovoy migrantsii v Rossii [Modern territorial and socio-demographic specifics of long-distance commuting in Russia]. Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2024. Vol. 17. No. 3. P. 206–225. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.12 (in Russ.)
14. Antonova A. V. Obraz zhizni uchastnikov mayatnikovoy migrantsii v Moskovskoy aglomeratsii [The commuters' way of life in the Moscow agglomeration]. Migrantsiya i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye [Migration and Social Development]. 2018. Vol. 3. No. 3. P. 113–118. DOI: 10.18334/migration.3.3.41042 (in Russ.)
15. Shevchenko I. A., Davydova Yu. V., Zamashkina O. V., et al. Izucheniiye demograficheskikh aspektorov mayatnikovoy migrantsii naseleniya Nizhegorodskoy oblasti [The study of demographic aspects of circular migration of the population of Nizhny Novgorod region]. Uspekhi sovremenennogo yestestvoznaniya [Advances in Current Natural Sciences]. 2020. No. 1. P. 70–75. DOI 10.17513/use.37523 (in Russ.)
16. Sokolova A. A. Sotsial'no-demograficheskiy portret mayatnikovogo trudovogo migranta [Socio-demographic characteristics of commuters]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal of Economics]. 2023. No. 64. P. 61–82. DOI: 10.17223/19988648/64/5 (in Russ.)

Information about the author:

Sokolova Anastasia Alekseevna, Candidate of Economics, Researcher, Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5434-8094; Elibrary SPIN-code: 5845-3310.

Статья поступила в редакцию 04.12.2024, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.